

Китанова М. Дети с особым статусом в болгарской традиционной семье: анализ номинаций в свете оппозиции «свой — чужой» / М. Китанова // Научный диалог. — 2015. — № 9 (45). — С. 31—52.

УДК 811.163.2'373.233

Дети с особым статусом в болгарской традиционной семье: анализ номинаций в свете оппозиции «свой — чужой»

© Китанова Мария (2015), доктор филологических наук, доцент, руководитель секции этнолингвистики, Институт болгарского языка им. проф. Л. Ан-дрейчина, Болгарская академия наук (София, Болгария), miyak@abv.bg.

Рассматриваются болгарские обозначения детей, имеющих особый статус в семье: сводных, незаконнорожденных, некрещеных, рожденных в Святки, имеющих физические изъяны от рождения и т. д. Исследование выполнено с привлечением обширного диалектного материала. Лексика анализируется с точки зрения семантики и мотивации. В качестве базовой семантической оппозиции выбрано бинарное противопоставление «свой — чужой». Утверждается, что в традиционной болгарской культуре одним из противопоставлений, определяющих отношение социума к некоторым его членам, является оппозиция «ущербность — неущербность». Показано, что семантическое противопоставление «свой — чужой» в обозначениях детей от предыдущего брака осуществляется в основном в пространственном аспекте. В дефинициях слов подчеркивается разница между детьми, находящимися внутри, в доме, и теми, которые пришли извне: они *чужие*, но должны стать *своими*. Мотивационный анализ обозначений незаконнорожденных детей выявил, что семантическое противопоставление своего и чужого может быть выражено путем определенных культурных кодов: телесного, фитоморфного и др. Доказано, что представления

об ограничении социальных функций детей, имеющих маргинальный статус в семье, отражаются в лексике. Номинации запечатлели социальное неприятие, отчуждение к таким детям и отвержение отличий.

Ключевые слова: болгарский язык; лексика родства; сводные дети; незаконнорожденные дети; некрещенные дети; этнолингвистика; культурный код; оппозиция *свой — чужой*.

1. Введение

Противопоставление «свой — чужой» — одно из основных бинарных противопоставлений в народной культуре болгар. Применительно к социуму оно «осмысливается на различных уровнях связей между людьми: кровно-родственные и семейные отношения (свой — чужой род, своя — чужая семья) этнические (свой — чужой народ), языковые (свой — чужой язык), конфессиональные (своя — чужая вера), социальные (свое — чужое общество)» [Славянские древности, т. 4, 581—582]. Согласно К. Леви-Стросу, дуализм — это организационный принцип родственных структур, составляющих материальную базу социальной системы [Леви-Строс, 1995; Костадинова, 2008, с. 28], а также идеальных представлений о мире, через которые формируется индивидуальное и коллективное поведение членов общества [Иванов и др., 1965; Костадинова, 2008, с. 28].

Противопоставление «свой — чужой» коррелирует с противопоставлениями «внутренний — внешний» («внутри — вне»), «тождественный — нетождественный», «правый — левый», «мужской — женский», «хороший — плохой», «четный — нечетный», «чистый — нечистый» и проч. [Толстой, 1987, с. 172]. И по тому же принципу определяются отношения *Я* в окружении других. Таким образом, *инаковость* и *чуждость* становятся объектом особо выраженного отношения, а через другое осуществляется осознание и опознавание самого себя.

Со своей стороны противопоставление «внутреннее — внешнее» маркирует усвоенное (свое) и неусвоенное (чужое) пространство,

всегда связанное с осознанием определенной границы. Это граница между *Я* и другими.

Противопоставление «свой — чужой» концептуально, знаково. Через это противопоставление мир делится на два полюса, проводится граница между тем, что свое — близкое и безопасное, что оценивается положительно, и тем, что чужое и неизвестное. Разделение мира на две части раскрывает мифологический характер этого противопоставления. Представление о своем и чужом открывается во всех сферах действительности, что указывает на его знаковый характер. Это бинарное противопоставление по сути своей антропоцентрично. Семантика своего и чужого включается в личную сферу человека или исключается из нее. *Свой* означает принадлежность самому субъекту, а *чуждый* — не собственный, принадлежащий другому субъекту [Ожегов, 1986, с. 38]. Вот почему важной особенностью бинарных противопоставлений является их оценочный характер, при котором один элемент несет в себе положительную нагрузку, а второй — отрицательную. Таким образом, «*другость*» и «*чуждость*» становятся объектами особо выраженного социального отношения, через которые осуществляется осознание и познание самих себя. Однако иногда происходит так называемая «смена оценок», которая «ведет к тому, что между двумя сторонами противопоставления создаются отношения эквивалентности, они начинают смешиваться и символично отождествляться» [Славянские древности, т. 3, с. 557—558], что раскрывает символический характер противопоставления.

2. Сводные (заварени, доведени и преродени) дети

В семьях носителей традиционной болгарской культуры существует строгая иерархия. Разводы и повторные браки не приветствуются, за исключением случаев смерти одного из супругов. При каждом последующем браке семейные и родственные отношения усложняются, и дети от предыдущего брака в зависимости от того, чьими они являются, могут называться *заварени*, *доведени* и *при-*

родени. В толковом словаре фразеологических сочетаний слову *заварен* дается следующее определение — ‘тот, кто был, уже существовал к моменту прихода кого-то’, а слову *доведен* — ‘о сыне / дочери от предыдущего брака их матери по отношению к ее новой семье; сводный, приведенный’ [Дечева, 1997, с. 135, 171], а в словаре Н. Герова — ‘приведенный второй женой сын’ [Геров, т. 1, с. 307]. Он выделяет также слова *пàсынок*, *пàсьнък*, *пàсторок*. «Заварени» дети — это дети, оставшиеся в доме отца после его нового брака. Если и у новой супруги есть дети, они тоже принимаются в семью. В Болгарском толковом словаре зафиксированы названия *завàреник* и *завàреница* ‘дети овдовевшего отца, вступившего в следующий брак, по отношению к его новой жене; противоположно *довèденик*, *довèденица*’ [БТР, с. 223]. Для *довèденик* и *довèденица* приведено следующее определение — ‘ребенок второй жены от ее предыдущего мужа’ [БТР, с. 167]. В болгарских говорах встречаем и средние термины: *довèдени* (Дупница), *свèдени брàтя*, *свèдени сèстри* (Западная Болгария), *довèденик*, *довèденица* (Севлиево, Троян), *заварен брат* — ‘сын от предыдущего брака по отношению к детям второй супруги’, *донèсеник*, *пàсынок*, *пàсьнък*, *пàсинок* [Геров, т. 1, с. 307], *пàсынче*, *пàстроче* [Трубачев, 2006, с. 53]. В русском языке слово *пàсынок* означает а) неродной сын одного из супругов, б) ветвь, расположенная под острым углом к стволу дерева, отстающее по росту второе дерево; в) «некто, лишенный любви». Метафорическое значение выражается через растительный код. По данным этимологического словаря, слово образовано при помощи праславянской приставки *па-* + *сын* — ‘ненастоящий сын’; рус. *Пасынок*, укр. *Пасинак*, белор. *Пасынак* [Фасмер, т. III, с. 216]. Суффикс *па-* означает ‘следовать за кем-то’, и ‘ненастоящий’, а также выражает семантику сходства [Там же, с. 181]. М. Фасмер, как и большинство этимологов, предполагает, что префикс **рб-* имеет праславянское происхождение. Встречается и в *пàсторок*, *пàйстурек* ‘ненастоящий отец’ от *пасторькъ*. Используется также как указание на невысокую ценность чего-либо [БЕР,

т. 4, с. 994]. В староболгарском [СР, т. 2, с. 660—661] встречается слово *пасинькъ* в значении ‘муж сестры’ и *пасторакъ* ‘сводный сын’ (доведен сын). В болгарских диалектах встречаются формы *п̀асинок* (Воден, Велес, Прилеп, Битоля, Дебар) *п̀асинци*, *п̀асцерки*, *п̀асинче* (Охрид), *п̀аструк* (Медово, Тополовградский район, Кочово в районе Преслава, Добруджа, Русе). И *п̀асынок*, и *п̀астрок* — термины, выражающие в болгарском языке «псевдородство». В Болгарском толковом словаре [БТР, с. 636] приводятся два значения этого слова: ‘сводный (доведен или заварен) сын’, ‘усыновленный нахлебник’ (глагол *осиновявам* означает ‘принимаю чужого ребенка как своего с правами родного ребенка’) [БТР, с. 596].

Значение ‘тот, кто лишен любви’ также интересно. Оно не встречается в болгарском литературном языке, но в болгарских говорах под Смолянском встречаем слово *флишено* со значением ‘поврежденное’, а также глагол *флишеава* — ‘портить’. В традиционной болгарской культуре одним из наиболее важных противопоставлений, определяющих отношение социума к некоторым его членам, является «ущербность — неущербность». Люди, лишенные чего-либо, противопоставляются тем, в чьей жизни лишений нет.

Семантическое противопоставление «свой — чужой» в названиях *зав̀арена сестра̀* ‘дочь от предыдущего брака по отношению к детям от другой супруги’ (Сакар), *зав̀ареушреник*, *зав̀ареница* (Видинская, Разложская области [Геров, т. II, с. 43]), *зав̀арениче* (Ихтиман), *заваренѝче*, *заварену̀ дѣкя* (Родопы) ‘сводный ребенок’, *зав̀аренту* (Ямбол) осуществляется в основном в пространственном аспекте. Подчеркивается разница между детьми, находящимися внутри, в доме, и теми, которые пришли извне, — они *чужие*, но должны стать *своими*. Первое значение глагола *довеждам* — ‘приводить, вести что-то в направлении говорящего’, а второе — ‘брать в жены’. Кроме того, при любом браке осваивается чужое пространство, эти представления касаются не только супруги, но и ее детей. Таким образом, семья расширяется по отношению к социуму.

3. Дети, рожденные вне брака

Копеле. Ребенок, рожденный вне брака, отмечен «грехом родителей и воспринимается в народном мировоззрении как чуждый и иной». Такие дети никогда не принимаются социумом окончательно и не могут участвовать в ряде важных обрядов — Рождество, Сурваки (Новый год), лазарование (Лазарева суббота), Еньова буля, весеннее гадание (кумичене) [Мичева-Пейчева, 2013, с. 136—137]. Для таких детей встречаются следующие названия: *кòпеле* ‘ребенок, рожденный вне брака’ (общеболгарское); *кòпилче*, *кòпелче*; *изхòдно*. Этимология слова *кòпеле* неясна [БЕР, т. 2, с. 614; Стаменов, 2012, с. 79—84]. В словаре Н. Герова слова *кòпеле*, *копелàк* *кòпеля*, *кòпелча* приводятся со следующими значениями: ‘незаконнорожденный, чужой ребенок’, ‘росток, новый побег, проросший рядом с кукурузным стеблем’ [Геров, т. 2, с. 397]. В архиве Секции диалектологии (БДА) встречаются слова *копелàна* ‘женщина, девушка, родившая вне брака’, *копелкìня*, *кúрва*, *копелàтыня*; *копелàрка* ‘женщина, родившая копеле’ (Софийская область), *копелàна* (Ресен, Тырново); *копилярка* ‘преждевременно родившая овца’ (Кюстендил, Тетово); *копилìшам* ‘обрывать лишние побеги яловой кукурузы’ (Ново село, Видинская область); *скопеля*, *скопелявам* ‘родить внебрачного ребенка’ (Тетевен); *кòпеле* ‘внебрачный ребенок’ [БЕР, т. 2, с. 613; БТР, с. 379], ‘маленький мальчик’, ‘боковой побег на кукурузе’ (Стара Загора); *кòпило* ‘боковой побег на кукурузе, отросток кукурузы, который обрывают, поскольку он лишний’, ‘фуражная кукуруза, засеянная после жатвы’ (Ново село, Видинская область); *кòпилец* ‘фуражная кукуруза’ (Силистра); *курвàнче* — (*скурвен*) от слав. *кúрва* ‘развратница’ [БЕР, т. 3, с. 145].

По мнению Миклошича, это слово албанского происхождения, по мнению же Дювернуа — греческого. Бернекер считает для него основным значение ‘незаконнорожденный ребенок’. Оно встречается также в староболгарском: *копель* ‘незаконнорожденный ребенок’ (Слепчанский апостол). К. Мирчев связывает *кòпеле* с глаголом *ка-*

пиловати ‘жить разгульно, блудить’ и с существительным *Копилиа* ‘корчма’. В софийском студенческом жаргоне *кòпеле* — ‘глупый, наивный, неуклюжий’, что по сути обозначает человека с определенным недугом, не вписывающегося в социум, оно выражает противопоставление «неущербность — ущербность» [Мичева-Пейчева, 2013, с. 107].

В банатском говоре встречается лексема *изходно* ‘внебрачный ребенок’ и *изходна* ‘женщина, родившая вне брака’. Слово *изход* означает ‘ворота для выхода’, а в некоторых диалектах (Нови-Пазар) – ‘восток’. В староболгарском языке зафиксировано (Зогр., Мар., син. Пс., син. Тр., Охр. Ап., Слеп. Ап.) слово *исходъ* в значении ‘выход’ и *исходънь* (Супр.). Согласно БЕР это слово заимствовано из румынского языка, где *ishod* имеет значение ‘массовое переселение’ [БЕР, т. 2, с. 59].

Пурдòтя. В Родопах для обозначения незаконнорожденного ребенка встречается слово *пурдòтя*. Возможно, оно заимствовано из венгерского языка, где *purde* имеет значение ‘цыган’. Также в румынском языке есть слово *puradel* с тем же значением [БЕР, т. 5, с. 528]. Цыган — человек другого этноса, другой, чужак. Эта лексема, вероятно, связана с неясными *пурак*, *пурек*, *пурле*, *пурляк* ‘хилый ребенок’ [БЕР, т. 5, с. 857]. В других районах страны слово *пурдòтя* имеет значение ‘плохой человек’ [Седакова, 2007, с. 39]. Вероятно, в данном случае наблюдается соотношение «внутри — вне».

Лѐфтер. Для обозначения незаконнорожденных детей в некоторых болгарских диалектах встречается слово *лѐфтѐрче* (Родопы, Странжа, болгары Беломорья, Банско). Это слово, видимо, происходит из греческого языка, где означает ‘свободный’, ‘холостяк’. В албанском *lefter* — ‘свободный, холостой’, в румынском *lefter* — ‘холостяк’, в арумьинском *eleftir* — ‘холостяк’ [БЕР, т. 3, с. 340]. Вероятно, в данном случае речь идет о матери, родившей, не будучи замужем. В Луковите слово *лѐфтерно* означает ‘слабо, непрочно’. В болгарской традиционной культуре слабость и непрочность относятся к правой

части противопоставления «неущербность — ущербность», которое является частью противопоставления «хороший — плохой». К людям с недугом, убогим, недоразвитым, больным, лишенным чего-то важного в традиционной культуре существует амбивалентное отношение как к иным и связанным с силами зла.

Пич. Слово *пич* в лексикографии встречается со следующими значениями: ‘незаконнорожденный’; ‘отросток, побег от не привитого плодового дерева (дичок)’ [БТР, с. 653]; ‘новый побег, отросток кукурузы’ [БЕР, т. 3, с. 613].

В Архиве Секции болгарской диалектологии и лингвистической географии Института болгарского языка отмечены следующие значения слова *пич*: ‘внебрачный ребенок’ (с. Змеєво, Старозагорская область), ‘бесплодный побег плодового дерева’ (Сливенский говор), ‘отросток корня, который можно посадить’ (Ивайловград), ‘новая, молодая веточка, проросшая после того, как дерево обрезали’ (Дервент, дем Дедеагач), ‘молодое новое растение, проросшее, когда старое высохло’ (Мезек, Свиленградский район). Встречаются и глаголы *пичледисвам* ‘обламывать лишние побеги винограда, помидоров’ [БЕР, т. 3, с. 613]; *пичледисувам* ‘убирать боковые побеги винограда’ (Энина, Казанлыкская область) [Стаменов, 2012, с. 95].

Базелачко, шумник. В Ловечской области для обозначения внебрачных детей встречается лексема *базелачко* от *бузина*, *бъз* ‘бузина, высокий куст с белой пористой мягкой сердцевинкой и черными зернистыми плодами, *Sambucus nigra*’, а в Родопах — *шумник*, вероятнее всего от *шума* [Седакова, 2007, с. 40]. Для названия бузины в диалектах встречаются следующие названия: *баз*, *боз*, *бдзай*, *бдзик*, *бдзил*, *бъзел* (Кратово), *бъзарак*, (Шумен), *бъздѡвина*, *бъздѡняк*, *бъзе*, а также местные названия *Базеник*, *Бъзовик* [БЕР, т. 1, с. 97].

Метафорическое значение вновь выражено через фитоморфологический код, характерный и для других славянских языков. Например, в русском языке *подкрапивник*, *крапивный*, *крапивник* — ‘незаконнорожденный’ [Седакова, 2007, с. 40].

В родственной терминологии семантическое противопоставление своего и чужого может быть выражено путем определенных культурных кодов, которые по сути представляют собой метафоры: «телесный код» (названия, ключевой компонент которых обозначает часть тела человека), «фитоморфный код» (ключевой компонент указывает на растение или часть растения), а в некоторых случаях — «зооморфный код» (название с ключевым компонентом «небольшое животное» или «насекомое»). Метафоры, через которые обычно реализуются культурные коды, как правило, национально детерминированы. По мнению Стаменова, метафорика, заложенная в слове *тич*, ведется от ‘бокового стебля’ до ‘незаконнорожденного ребенка’, а в случае с *кòпеле*, наоборот, значение ‘боковой стебель’ возникло на базе метафорически проецированной ‘незаконнорожденности’.

4. Дети, связанные со злыми, нечистыми и опасными силами

Дети, рожденные в Святки (Мрьсните дни). Мрьсните дни (Святки) — двадцатидневный период, как правило от Рождества до Крещения (Йордановден), воспринимаемый как время хаоса, когда действуют злые силы. Считается, что в это время появляются демонические существа *караконджоли*, *вампири*, *таласъми*, *самодиви* и др., называемые также *вòнкашни погàни*, — потусторонние существа, опасные для человека. В селе Илинденцы, под Санданско, встречается лексема *вòнкашиното* ‘злой дух, являющийся в Мрьсни дни’. В архиве Секции диалектологии и лингвистической географии зафиксировано слово *вòнкашен* ‘чужой для семьи’ и ‘пришедший из другого места’. В болгарских говорах для названия этих существ употребляется также лексема *однатвòрните* — те, кто «за пределами двора», вне освоенного пространства дома [Мичева-Пейчева, 2013, с. 68].

В различных районах болгарской этнической и языковой территории отмечены следующие названия этого периода: *Мрьсни вечери*, *Мрьсници* (Северная Болгария, Фракия), *Богàнци*, *Бугàни дèне* (Родопы), *Некръстени дни* (Юго-западная Болгария, Западные окраины),

Караконджови дни (область Разлога), *Глу́хи дни* (Кюстендильская область), *Вампирови дни* (Карлово). Дети, рожденные в этот период хаоса, как правило, имеют способности видеть злые силы, поскольку сами с ними связаны. В самих названиях раскрывается связь с потусторонними, чуждыми, нечистыми существами. *Караконджорче* (Западная Болгария) — от слова *караконджол* ‘злой дух’, вероятно, турецкого или греческого происхождения. В Ботевградском районе встречается лексема *мръсник*, *мръскулче* [Седакова, 2007, с. 38] — от слова *мръсен* ‘нечистый, нехристианский’. В Родопах зафиксировано слово *поганче* — вероятно от **ragan* ‘языческий’, ‘нечистый’. В Силистринской области употребляется слово *самодива*. Прилагательное *сам* означает ‘одинокий, без кого-либо’ и отражает «бытие неких существ, которые живут далеко от людей» [Мичева-Пейчева, 2013, с. 82], а слово *дива*, вероятно, имеет персидско-турецкий корень *дев* ‘дьявол, демон, злой дух’. Некоторые авторы связывают его с праславянским **deiuos* ‘бог’ [Георгиева, 1993, с. 128]. В болгарском языке прилагательное *див* (дикий) — это часть противопоставления «домашний — дикий», «принадлежащий культуре — не принадлежащий культуре», или «обработанный — необработанный». В Родопах все еще сохраняются предания о диких женщинах (*дивы жени*), живущих в лесу. Самодивы связаны с дикой природой, с неосвоенным пространством [Георгиева, 1993, с. 154—155]. Они живут на границе мира мертвых и мира живых и связаны с хтоническими силами. Прозрачно происхождение слова *вънър* (Гоцделчев): лексема *вампир* означает ‘мертвец, который превратился в злого ночного духа и пьет кровь людей и животных’. Исходная основа — вероятно, праславянское **opirь*, от нее происходят не только болгарские формы, но и русские, сербские, хорватские, белорусские, украинские и чешские. К подобному типу относится и слово *цацоглавец*, зафиксированное в Ботевградской области. Данная лексема связана также с *цоглавици*, *цологлавици*, *песоглавици*, *буганици*, *кьпичовци*, *жидове*, *латини*, *елини* и прочими обозначениями «мифологических великанов» с больши-

ми головами и одним большим глазом на лбу, иногда одноногими; живущими в горных пещерах и питающимися сырым мясом [БМ, с. 159—160], иначе говоря, тоже «дикими существами».

В Ловечской области верят, что дети, рожденные в Мръсни дни (Святки), ежегодно превращаются в собак или волков, а после смерти становятся злыми духами. Метаморфоза «человек — волк» характерна для определенного демонического существа, называемого *вълколак / върколак*. По мнению одних авторов, они и есть вампиры, по мнению же других, они находятся выше по иерархии, поскольку связаны со страшным волчьим пастырем *Куцуланом*.

Чуждость в указанных случаях фиксируется посредством привлечения названий существ, с которым эти дети связаны по своему происхождению.

Дети, рожденные женщиной от вампира. *Плътенікът* — это вампир, который приобрел человеческий облик. На сороковой день после смерти, если перевоплотившаяся душа покойника не будет уничтожена, она приобретает плоть, *уплътява се*. Через три года после этого он превращается в красивого молодого мужчину. Их любимые занятия — ремесло мясника, брадобрея и торговца, но, если они порежутся, — умирают. Женятся они на обычных женщинах и могут иметь от них детей [БМ, с. 267]. По народным представлениям дети так называемых «вампиров во плоти», или *укоштени вампири*, имеют магические способности распознавать и убивать демонов. Их называют *вамирар*, *вампирджия*, *глог* (округ Лома [Героу, т. 1, с. 221]), *глогджак*, *гложак* (Габаре, Белослатинский район), *глогинковец* [БЕР, т. 1, с. 250], *джадия* (Девня, Провадия), *святочёр* [БМ, с. 46, 85, 325]. Лексемы *вамирар* и *вампирджия* производны от *вампир*. *Глог* — ‘боярышник (*Crataegus*)’ и ‘человек, который противостоит вампиру колом боярышника’ (демон может быть уничтожен, если в субботный день в его гроб забить боярышниковый кол). Кроме того, в районе Трына встречаются лексемы *глогак*, *глоган* ‘кость или нечто окостеневшее’, что вновь отсылает к образу вампира-плътеніка. *Джадия*

в болгарских диалектах означает 'ведьма, колдунья' (Тетевен) — от турецкого *cade* 'старая безобразная женщина, ведьма'. Сложнее по происхождению слово *святочер* — вероятно, от *святой* (свять) + *чер* (староболгарское *чрънь* 'черный'). Можно предположить, что оно образовано подобно слову *святоша* 'нечистый, бес' — эвфемизм, табуированное обозначение нечистого духа [Фасмер, т. 3, с. 585]. С другой стороны, праславянское **svęty* / *svętyjъ* означает 'сильный', что указывает на силу человека, способного уничтожить вампира.

Дети, рожденные от связи между женщиной и змеем. Детей, зачатых от связи женщины со змеем или змеи с мужчиной называют *змейче* [Седакова, 2007, с. 37], *змехъче* [БЕР, т. 1, с. 647], *змевче* (Радомир). Верование, что змеи могут влюбиться в девушку или юношу, широко распространено на всей болгарской этнической территории. Таких людей называют *змейничевы*, они бледны (желто-зелены), необщительны, замкнуты, невнимательны к своему внешнему виду, чужды своей семье и социуму. По народным верованиям, они имеют человеческое происхождение. Они рождаются от связи смертной женщины и змея. Женщина рождает ребенка-«змейче» через 11 месяцев. Часто за *змейче* принимают детей, оставшихся сиротами еще до рождения — *наси́ре*, *посмърче*, *посмъртниче* [БЕР, т. 4, с. 524], а также детей, родившихся с зубами, хвостами, перепонками под мышками (крылышками) или другими особенными признаками, то есть детей с физическими отклонениями. Люди с подобными признаками не допускаются к ряду обычаев. Они не могут быть ряжеными, сурвакарами (мальчик или юноша, поздравляющий с Новым годом), колядовать и проч., что указывает на то, что они некоторым образом остаются чуждыми социуму. Змеи описываются не как демоны, а как дикие существа, обладающие чертами змея, рыбы и человека. Они живут высоко в горах, в норах и пещерах, то есть вне освоенного человеком пространства, отсюда и прозвище — *горянин* (горец) [Георгиева, 1993, с. 109]. Сам змей может быть своим, защищать поселение, а может быть чужим, вредить людям. Существует много легенд

о битвах между двумя змеями. Название *змеи* связано со словами *змия* и *змея* [Фасмер, т. II, с. 100], а образ змеи часто соседствует с образом крестьянина. В Трынково Старозагорской области *змейче* означает ‘молодой змей’, а в Странже *змейчев* – ‘необыкновенно сильный физически человек’. Необычайная сила или красота — также своего рода аномальность. К образам змей апеллирует и топонимика: *Змейски дол*, *Змёв дол*, *Змёвонец*, *Змейца* и проч., что связано с легендами о присутствии змей. Особенно интересны представления о змее-человеке, характерные для Западной и Юго-Западной Болгарии, а также для района Странжи. Подобные представления встречаются у большинства славянских народов: *сухач* в Сербии и Хорватии, *планетници*, *хмурници*, *облачници* у украинцев и поляков. В болгарском юнакском эпосе королевич Марко назван сыном змея, а приемная мать его — *самодива*. Черты змея присутствуют также в образе св. Николая [Георгиева, 1993, с. 129—131].

ХАЛЧЕ. *Халче* или *алче* называют ребенка, родившегося с изъяном или необычной отличительной чертой — с одним глазом, с одной ногой, без руки и проч. Согласно верованиям, это знак, что это селение может постичь природное бедствие или эпидемия. Раньше таких детей умерщвляли [БМ, с. 383]. Вероятно, название *халче* / *алче* связано со словом *хала* греческого происхождения. Хала — мифологическое существо, приносящее природные бедствия. В некоторых народных представлениях это страшная беззубая старуха, а в других — бык с рогами. Образ халы, приносящей темные тучи, дождь, опустошительный град и туман, характерен для Западной Болгарии, тогда как в фольклоре это скорее поэтическое метафоричное обозначение бури и дождя. В диалектах *хала*, *халевина* означает ‘вихрь’ [Георгиева, 1993, с. 119]. В наименовании *халче* / *алче* соединены два представления — о нарушении кровнородственных связей, что служит причиной рождения неполноценных детей, и, как следствие этого, — о природных бедствиях, причиняемых демоническим персонажем — халой — в качестве наказания всему социуму.

К этой группе относятся также обозначения детей с физическими недостатками, родившиеся у родителей, которые не соблюдали половое воздержание во время поста, в Мясопуст (Сирни заговезни), Святки (Мръсни дни). Их называют *нишенлия*, с *кусър* (Пиринский край, Родопы), с *белег*, *шентавно* (Родопы). Физические и духовные недостатки в культуре осмысливаются как Божья кара [Мичева-Пейчева, 2013, с. 105]. Подобные люди нечисты, чужды и опасны. Аномалии, особенно хромота, часто связывают с дьяволом и хтоническими силами.

5. Символическое превращение своего ребенка в чужого с целью уберечь его от смерти

В ряде мест на болгарской этнической территории, когда в семье умирают дети, практикуется обычай, при котором, с целью предохранить его от смерти, новорожденный оставляется на перекрестке, для того чтобы он был найден и крещен чужим и случайным человеком. Такое дитя называется *намѐрено* [Маринов, 1994, с. 238]. В данном случае наблюдается так называемая «смена позиций»: чужое — защищено и полезно, а свое находится в опасности. Глагол *намѐря* означает ‘видеть, обнаружить нечто утраченное, скрытое и неизвестное’ [БЕР, т. 4, с. 484]. Под Кюстендилом, Разлогом, Радомиром и Кумановско встречается лексема *намѐрник* ‘случайный, незнакомый гость издалека’. Таким образом, ребенок превращается в незнакомое, чуждое и далекое и избегает участи своего семейства.

6. Некрещеные дети

Особенное положение имеют новорожденные, но не прошедшие крещение дети. В период между рождением и крещением ребенок принадлежит в большей степени миру, из которого он пришел — миру демонов и других злых сил. Он все еще чужд социуму, не принят им. Данные имена как славянские по происхождению, так и заим-

ствованные из соседних балканских языков. В книге «Человеческая жизнь — рождение, свадьба, погребение: тематический словарь семейной обрядности» («Човешкият живот — раждане, сватба, погребение: тематичен речник на семейната обредност») [Легурска и др., 2013, с. 29—30] представлены следующие лексемы: *гүшьльо, гүшла* [Геров, т. I, с. 261]; *гòлче, гүшле, джòля, желèзко* [Геров, т. I, с. 15, 231, 289]; *адàмче, гòлчо, дяволче, күшьльо, лехүсче, мòменче, некрүсче, цүрчо* [Геров, т. III, с. 262]; *күшьльо* [Геров, т. II, с. 438]; *некрүсче, некрүстениче* [Геров, т. III, с. 261]; *күшленка, пèжу, пүшле, пүрде, цүлко* [Геров, т. II, с. 438]; *чүна* [Геров, т. V, с. 560]; *чьòра* [Геров, т. V, с. 542]; *шьòлка* [Геров, т. V, с. 588]; *гүлче, гүлчо, еврейче, евро, евра, күшу, лехүсче, пепелàш, пепелàшка, пїжа, пїждòк, пискүлче, пүлче, цүре, цүренце, цүрче, цүца, чүпка, шүле* (Родопы); *малàmчо, пешильо, пьшла* (Ихтиман); *дятету, дèтету, пирòнко, пьшьльо, пьшла, сүрко, цїганче, цүрчо, цүрче, цүца, чүпка* (Пловдивская область); *кòпелче* (Асеновградский район, Гоце-Делчев); *цүрьò* (Тополовградско); *еврейче, леүсче, цүньò, цүньгю, цүна* (рупцы и тронки) *гòлчо, гòлка* (загорцы, Странджа); *цүнче* (Ахтопол); *цүрко* (Нижний Вардар); *цүре* (дем Дедеагач); *чїна* (дем Драма); *күшьò, күшле* (Казанлык, Тополовград, Дедеагач); *күшли* (Горна-Оряховица Русе); *күшле* (Ловеч); *навликянче* (Севлиево); *тòлю* (Преслав); *некрүсниче, немоцийка, шүмник* [БМ, с. 109]; *кòпелче* [БМ, с. 177]; *айòл, бұдо, бұда; гòльò, гòльче, гòлка* (Шуменская, Варненская, Софийская области, Добруджа, Странджа), *гүджò, гүлко, гүлка* (Родопы), *гүшьльо, гүшла* (Пловдивская область), *авдже* [СБНУ, 441], *джагуре* [БЕР, т. 1, с. 362], *дживгàр* (Кюстендилская область), *джòля* [Геров, т. V, с. 588], *джүре* (Кастория) *дүдин, дүде* (Прилеп), *дяволчета* (Пирин), *желязко, жòке* [Милев, 1991, с. 80], *жòка, заглавче* (Кюстендилская область), *евро, евра, кèжо, кèжа, кежана* [БЕР, т. 2, с. 316], *кèна, кèнка, кèне* (Идеографический архив), *кèнда* [Геров, т. VI, с. 161], *кèнтра* (Ловечская область), *кефлък* (Троян), *кòба* (Белене), *кокòна* (Силистренская область), *креч* [Геров, т. II, с. 413], *кьргьн* (Никополь), *кьргүпльче* (Ха-

сково), *кържжо*, *кържар* [Геров, т. VI, с. 187], *кържав* [МБТР, с. 1118], *лау́сче* (Ловеч), *лау́сино дѣти* (Ловеч), *леху́дле // лиху́сничи* [Странджа..., с. 266], *максу́м*, *максу́мче*, *мъксу́нче* (Гюмюрджинская область), *маламка* [ЕБ, т. 3, с. 625], *ма́ленка*, *ма́лечка*, *малёчко*, *малёшко* (Сакар), *малинка* (Сакар), *мангара* [БЕР, т. 3, с. 639], *максу́нче* [БЕР, т. 3, с. 682], *ма́шка* (Сакар), *ми́ле*, *младенце*, *младинче*, *младишче* [БЕР, т. 4, с. 14, Седакова, 2007, с. 464], *момичка*, *му́чко*, *му́шо* (Старозагорская область), *му́ше* (Фракия), *мушимурѡк* (Тырновская область), *му́ца* [БЕР, т. 4, с. 360; Седакова, 2007, с. 46], *мъндичка* [БЕР, т. 4, с. 399], *мъндичко* [БЕР, т. 4, с. 402; Седакова, 2007, с. 46], *неизвѣрено* (Никопол), *некръ́сниче* [Геров, т. III, с. 262], *некръ́ши*, *некръ́ст* (Лом), *ни́пче* [БЕР, т. 4, с. 652], *но́не* [Геров, т. V, с. 588], *папударче*, *парапу́няк* (Врачанская область), *па́цо*, *па́ца* [Седакова, 2007, с. 41—42], *педа* (Силистренская область), *пепелчок*, *пепелчук*, *пепелди́шка*, *пепелди́ш*, *пижанче* [Седакова, 2007, с. 46], *пѣ́же* (Пловдивская область, Родопы), *пику́льче* (Родопы), *пирѡн*, *пирѡк* [БЕР, т. 5, с. 255], *пирѡ́нко*, *чу́пка* (Пирин), *пишлига́рче* [ПРОДД, с. 349], *помаче* (Родопы), *придавче* [Геров, т. V, с. 288], *принов*, *принова*, *пролук* [Геров, т. IV, с. 288, 305], *пу́же* (Софийская область), *пу́жо* (Кюстендилская область) *пуга́нче* [БЕР, т. 5, с. 417], *пѣ́цикни*, *су́рко* (Пловдивская область), *туреник*, *туранка* (Смолянская область) *ци́ганче*, *цоранка*, *цоранчо* (Сакар), *цу́на*, *цу́ньо* (Странджа), *чу́рьо*, *цу́ра*, *цу́рчо*, *цу́рче* (Фракия), *цу́ци* (Попово), *цуцуранче* (Сакар), *чи́па*, *чо́не* [Геров, т. V, с. 554; 559], *чопрафче*, *шебе́к* (Софийская область), *ши́ле*, *ши́пне* (Разлог), *шипо́ре*, *щипоряк* (Разлог), *ширнече* (Троян), *шо́ле*, *шо́лче* (Бургас, Ямбол, Гоце-Делчев), *шѡ́мпъльче* (Старозагорская область), *шуренцеф* (Пирин), *шу́лько* [Седакова, 2007, с. 41—42].

Чуждость в этих названиях передается посредством различных мотивационных признаков [Седакова, 2007, с. 43]:

— конфессиональные образы — некрещенный, нечистый, иноверец: *дяволче*, *евре́йче*, *помаче*, *некръ́ши*, *некръ́ст*, *некръ́сче*, *некръ́стениче*, *неизверено*, *пога́нче*, *павликянче*;

- образы представителей другого этноса: *турче, цигънче, пурде*;
- отсылка к образу матери, которая в течение 40 дней после родов находится в пограничном периоде, ср. производные от *леху́са*: *леху́сче, леху́дле, лау́сче, лау́сино дѐти*;
- незаконнорождённые дети *шумник, копельче*;
- смыслы «слабый, недоразвитый», «маленький», «нечистый», «голый»: *кѐжав, кържо, кржар, кржав, гѐлко, гѐлчо гольо, гольче, голка, кушле, мангара, мушо, мушек*;
- образ новорожденного домашнего животного: *принов, принова, приновче*;
- образ животного: *джавдже* («воробей»), *гуджо* («животное без хвоста»), *мъндичка* («котенок»), *шебѐк* («обезьянка») [Седакова, 2007, с. 44—45];
- смысл «приобретение»: *максу́л, мъксу́нче* (тур.), *нипче* (гр.) — новорожденный, невинный, безгрешный [Седакова, 2007, с. 44—45; БЕР, т. 4, с. 386];
- смысл «поврежденный, не целый»: *къргън* («разбитый») [Седакова, 2007, с. 44—45];
- молодой, ученик: *джѐле, джагуре*.

Дети, умершие некрещеными. Умершие некрещеными дети, по поверьям, превращаются в злых духов, которые вредят роженицам и младенцам. В болгарской традиционной культуре их называют *на̀ви* (Западная Болгария), *армѐнки, ермѐне, ерменлийки, йермийки* [БЕР, т. 1, с. 506], *лау́сничета* (Фракия). Лексема *на̀ви*, вероятнее всего, происходит от праславянского корня **nav-* и означает ‘покойник, демон смерти’, а остальные, видимо, от греческого слова *εἰσαορένῃ* со значением ‘судьба, рок’ [БЕР, т. 1, с. 506]. О том, что умершие до крещения дети остаются чуждыми своим родителям и социуму, говорит и тот факт, что в Странже на могилах таких детей матери воздвигают груды камней. Камень в болгарской народной культуре выполняет отделяющую и предохранительную функцию.

7. Выводы

В традиционном болгарском обществе семейные отношения строго регулируются. Рождение ребенка — это событие большого значения, не только для семьи, но и для социума. Если ребенок зачат или рожден не по правилам, он становится угрозой для всех, и по этой причине общество, предохраняясь, ограничивает его социальные функции. Маргинальность таких людей отражается в названиях, посредством которых подчеркиваются непринятие, отчуждение и отвержение отличий. Семантика чужого в названии выражается несколькими способами:

— через фитоморфный культурный код — опосредованно через представления о лишней, дополнительной части растения (*кòпеле, пàсинок, пич, базелàчко, шўмник*);

— через значение префикса *па-*, выражающего смысл ‘ненастоящий’ (*пàсинок*);

— через апелляцию к обозначениям иного этноса или другой веры (*пўрде, пурòтя, цїганче, еврейче, турчє, поганче, некръснице, некръш, латїни, єлини, жїдове* и др.);

— через апелляцию к названиям мифических существ (*àлче, змейче, каракòнджолче, мръснїк, мръскўлче, самодїва, цацòглавец, вампирàр, вампирджїя, святочер* и др.);

— через актуализацию смысла ‘ущербный, лишенный целостности’ (*лєфтерче, àлче*);

— через смену позиций своего и чужого, ср. лексему *намєрено*, в которой чуждость приобретает положительную нагрузку.

Источники и принятые сокращения

1. *Архив* идеографического словаря / Софийский университет св. Климента Охридского.

2. *Архив* Института фольклора Болгарской академии наук.

3. *Архив* секции болгарской этимологии и лингвистической географии / Институт болгарского языка Болгарской академии наук.

4. *Архив* секции этнолингвистики / Институт болгарского языка Болгарской академии наук.

5. *Архив* Стояна Романского / Софийский университет св. Климента Охридского.

6. БЕР — *Български* етимологичен речник. — София, 1971—2011. — Т. 1—7.

7. БМ — *Българска* митология : енциклопедичен речник / съставител А. Стойнев. — София : Група 7-М +ЛОГИС, 1994. — 398 с.

8. БТР — *Български* тълковен речник / Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, И. Леков, Н. Костов, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. — София : Наука и изкуство, 1973. — 1134 с.

9. Геров — *Геров, Н.* Речник на българския език / Н. Геров. — София, 1975—1978. — Т. 1—6. — (Фототипно издание).

10. *Дечева Д.* Тълковен речник с фразеологични съчетания / Д. Дечева. — София : АТЛАНТИС-КЛ, 1997. — 892 с.

11. ЕБ 3 — *Етнография* на България. Т. 3 : Духовна култура. — София, 1984.

12. *Легурска П.* Човешкият живот — раждане, сватба, погребение : тематичен речник на семейната обредност / П. Легурска, Н. Павлова, М. Китанова. — София : АИ «Проф. Марин Дринов». — 168 с.

13. МБТР — *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори / С. Младенов. — София, 1951. — Т. 1.

14. *Милев А.* Речник на чуждите думи в българския език / А. Милев, Б. Николов, Й. Братков. — Допълнено и основно преработено от Е. Пернишка. — София, 1991.

15. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : около 57 000 слов / С. И. Ожегов ; ред. Н. Ю. Шведова. — 18-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с.

16. РБЕ — *Речник* на българския език.— София : Издателство на Българската академия на науките. — Т. I—. — 1977—.

17. РРОДД — *Речник* на редките диалектни и остарели думи в литературата ни от XIX и XX вв. / под ред. на Ст. Илчев. — София : Издателство на Българската академия на науките, 1974. — 608 с.

18. СБНУ — *Сборник* за народни умотворения и народопис / Българска Академия на науките. — София, 1956.

19. СР — *Старобългарски* речник : в 2 т. / Българска академия на науките ; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. — София : Валентин Траянов, 1999—2010.

20. Странджа — *Странджа* : материална и духовна култура / ред. : М. Черкезова. — София : Акад. М. Дринов, 1996. — 455 с.

21. *Толковый словарь русского языка* / ред. Б. М. Волин, ред. Д. Н. Ушаков. — 1935—1940. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. — Т. 1—4.

22. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1964—1973. — Т. I—IV.

Литература

1. *Вакарелски Х.* Български погребални обичаи : сравнително изучаване / Х. Вакарелски. — София : Издателство на БАН, 1990. — 224 с.

2. *Георгиева Ив.* Българска народна митология / Ив. Георгиева. — София : Наука и изкуство, 1993. — 259 с.

3. *Иванов В. В.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы : (древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1965. — 246 с.

4. *Костадинова М.* Опозицията «свой / чужд» в чешки и български език. — София : Стигмат, 2008. — 119 с.

5. *Красных В.* Свой среди чужих : миф или реальность / В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с.

6. *Леви-Строс К.* Структурална антропология II / К. Леви-Строс ; прев. от фр. Н. Капралова. — София : Христо Ботев, 1995. — 512 с.

7. *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи / Д. Маринов ; съставител и редактор М. Василева. — 2 фототип. изд. — София : Издателство на БАН, 1994. — 815 с.

8. *Мичева-Пейчева К.* Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език / К. Мичева-Пейчева. — София : Валентин Траянов, 2013. — 312 с.

9. *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар : родинный текст / И. А. Седакова. — Москва : Индрик, 2007. — 430 с.

10. *Славянские древности: этнолингвистический словарь* : в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

11. *Стаменов М.* Образът на носителя на антикултурата по данни от българския език / М. Стаменов // Български език. — 2012. — № 59(3). — С. 76—98.

12. *Стойков Ст.* Софийският ученически говор (принос към българската диалектология) / Ст. Стойков. — София, 1946. — 73 с.

13. *Толстой Н.* О природе связей бинарных противопоставлений типа левый — правый, мужской — женский / Н. Толстой // Языки культуры и проблемы переводимости. — Москва : Наука, 1987. — С. 28—35.

14. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев ; предисл. Г. А. Богатовой-Трубачевой. Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : КомКнига, 2006. — 240 с.

Children with Special Status in Bulgarian Traditional Family: Analysis of Nominations in Light of “Own — Alien” Opposition

© **Kitanova Mariya (2015)**, Doctor of Philology, associate professor, Head of Department of Ethnolinguistics, Institute for Bulgarian Language named after Professor L. Andreychin, Bulgarian Academy of Sciences (Sophia, Bulgaria), miyak@abv.bg.

The Bulgarian nominations of children with special status in the family are considered: stepchildren, illegitimates, non-Christian, children born in Christmastide, children with physical defects from birth and so on. The study is conducted with the involvement of a broad dialect material. The lexis is analysed in terms of semantics and motivation. As a basic semantic opposition the binary opposition “own — alien” is selected. It is stated that in the traditional Bulgarian culture one of the oppositions that define the attitude of society to some of its members is the opposition “flawed — unfailing”. It is shown that the semantic opposition “own — alien” in the nominations of children from a previous marriage is carried out mainly in the spatial aspect. The definitions of words emphasizes the difference between children who are inside the house, and those who came from outside: they are *alien*, but should be *own*. Motivational analysis of designations of illegitimate children has revealed that the semantic opposition of own and alien may be expressed by certain cultural codes: physical, phytomorphous et al. It is proved that the idea of limiting the social functions of children with marginal status in the family reflected in the lexicon. The nominations depict social rejection, alienation of these children and the rejection of differences.

Key words: Bulgarian language; blood relation lexis; stepchildren; illegitimates; non-Christian children; ethnolinguistics; culture code; opposition “*own — alien*”.

References

- Georgieva, Iv. 1993. *Bolgarska narodna mitologiya*. Sofiya: Nauka i izkustvo. (In Bulg.).
- Ivanov, V. V., Toporov, V. N. 1965. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy: (drevniy period)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kostadinova, M. 2008. *Opozitsiyata «svoy / chuzhd» v cheshki i bolgarski ezik*. Sofiya: Stigmati. (In Bulg.).
- Krasnykh, V. 2003. *Svoy sredi chuzhikh: mif ili real'nost'*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Levi-Stros, K. 1995. *Strukturalna antropologiya II*. Sofiya: Khristo Botev. (In Bulg.).
- Marinov, D. 1994. *Narodna vyara i religiozni narodni obichai*. Sofiya: Izdatelstvo na BAN. (In Bulg.).
- Micheva-Peycheva, K. 2013. *Sbolskot na chistotata i nechistotata v bolgarskata kultura i ezik*. Sofiya: Valentin Trayanov. (In Bulg.).
- Sedakova, I. A. 2007. *Balkanskije motivy v yazyke i kul'ture bolgar: rodninyy tekst*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Stamenov, M. 2012. *Obrazot na nositelya na antikulturata po dannii ot bolgarskiya ezik. Bolgarski ezik, 59(3): 76—98*. (In Bulg.).
- Stoykov, St. 1946. *Sofiyanskiyat uchenicheski govor (prinost kom bolgarskata dialektologiya)*. Sofiya: [s. n.]. (In Bulg.).
- Tolstoy, N. 1987. *O prirode svyazey binarnykh protivopostavleniy tipa levyy — pravyy, muzhskoy — zhenskoy. Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti*. Moskva: Nauka. 28—35. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (ed.). 1995—2012. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1—5. (In Russ.).
- Trubachev, O. N. 2006. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya*. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
- Vakarelski, Kh. 1990. *Bolgarski pogrebalni obichai: sravnitelno izuchavane*. Sofiya: Izdatelstvo na BAN. (In Bulg.).